

Философ-эрудит в эпоху Французской революции: Жак Андре Нежон

А. А. Кротов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: Кротов А. А. Философ-эрудит в эпоху Французской революции: Жак Андре Нежон // Философия истории философии. 2021. Т. 2. С. 150–164. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2021.110>

В статье анализируется учение друга и последователя Дидро, стремившегося дополнить и уточнить историко-философские положения прославленного редактора просветительской «Энциклопедии». Нежон был также издателем трудов Монтеня, Руссо, Дидро, он опубликовал рассуждения о творчестве Лафонтена и Расина, акцентируя внимание читателя на моральном содержании произведений классиков французской литературы. Философ-эрудит видел смысл своей деятельности в просвещении современников, в защите истины от нападок со стороны приверженцев фанатизма и суеверия. Атеистический материализм Дидро считал философской вершиной своей эпохи, рассматривая популярные среди его современников учения Руссо и Кондильяка как заметно уступающие по глубине концепции выхода из Лангра. Отсюда своеобразие его представлений о будущем, исключающих деистическую идею гражданской религии, находившую многих сторонников во времена Французской революции. Его труды отмечены республиканскими и антиклерикальными убеждениями. При этом он выступал против параллелей между учением Дидро и заговором Бабёфа. Усматривая связь между политикой и ростом научного знания, Нежон считал важным условием прогресса систематизаторскую, классификаторскую кабинетную работу. Вместе с тем он призывал Национальное собрание отказаться от упоминания религии при обсуждении прав человека. К числу принципов по-настоящему основательного историко-философского исследования Нежон относил умение выявить своеобразие различных мнений прошлого, не примешивая к ним современных представлений, отказ от рабского следования различным авторитетам, установку на получение выводов наивысшей степени достоверности посредством сопоставления всех имеющихся подходов. Особый интерес представляют суждения Нежона об ошибках в работе историков философии, о типичных недостатках, присущих даже известным и влиятельным трудам.

Ключевые слова: Нежон, философия Просвещения, французская философия, материализм эпохи Французской революции.

В истории философии особая роль принадлежит мыслителям второго плана. Оказываясь в тени громких имен, они выполняют немало важную работу: их вклад в формирование духовной атмосферы совре-

менной им эпохи не следует недооценивать. Сотканная из множества нитей, культурная среда включает их идеи, в той или иной степени побуждает читателей к осмыслению отстаиваемых ими концепций. Как правило, их творчество привлекает внимание немногих исследователей более отдаленных времен, хотя без учета основных особенностей, направленности их учений, общая картина истории философии остается неполной.

Среди малоизученных фигур эпохи Просвещения видное место занимает Жак Андре Нежон (1738–1810) — мыслитель, приложивший значительные усилия для популяризации идей энциклопедистов, младший современник признанных классиков философии XVIII в. Ученик и близкий друг Дидро, в течение ряда лет был секретарем Гольбаха, участвовал в подготовке к публикации трудов хозяина салона энциклопедистов. После смерти Дидро он осуществил знаменитое издание его собрания сочинений (1798). Участвовал он также, наряду с Банкарелем и Фейодем, в публикации сочинений Руссо (1801). Кроме того, выпустил издание Монтеня (1802). Нежон состоял членом Национального института по классу моральных и политических наук (секция морали).

Примечательно, что «в 1790 г. он обратился к Национальному собранию с адресом, в котором... доказывал, что “нет ничего более опасного, ничто не противоречит в большей мере задачам мудрого законодателя, как связывать естественные права человека с существованием Бога, а мораль связывать с религией”» [1, с. 16]. Нежон призывал исключить из «Декларации прав человека и гражданина» любые отсылки к религии. Он настаивал на необходимости предоставить всем гражданам полную свободу мысли.

С именем Нежона традиционно связывают изданный анонимно текст под названием «Воин-философ» (1768). В действительности Гольбах и Нежон положили в основу этой книги рукопись Р.Шалля (1659–1721), имевшую анонимное хождение в ученых кругах. Деистический оригинал они переработали в атеистическом ключе. Религии трактуются в опубликованной ими книге как основанные на видимости, кажущемся правдоподобии. Отсюда делается заключение о ложности религий, не имеющих надежного фундамента. Если, как предполагается, Бог действует кратчайшими и простейшими путями, то использование священных книг не вписывается в подобную схему. Всеведущее Верховное существо должно поступать безошибочно, непогрешимо, никогда не направляя свои силы мимо цели. Но священные книги могут быть утеряны, либо испорчены, поэтому их нельзя считать надежным средством воспитания людей. Значит, всемогущее существо не стало бы опираться на книги для того, чтобы направить в нужную сторону волю

человека. Религия также не может считаться опорой морали. «Все, что сеет раздор между людьми и ведет к ложным идеям о божестве, вредно для здоровой морали. Все фальшивые религии разделяют людей и дают им ложные идеи о божестве. Откуда следует, что все фальшивые религии противоречат морали, или, по меньшей мере, для нее полностью бесполезны» [2, р. 127].

Нежон с увлечением рассуждал о классической литературе. Известно, что он принимал участие в двух конкурсах, объявлявшихся академией г. Марселя на лучшее похвальное слово Лафонтену и Расину. Лафонтену, по мнению Нежона, не повезло с воспитателями, оказавшимися неспособными должным образом содействовать развитию ума своего подопечного. В результате будущий поэт пребывал до 22 лет в состоянии бездеятельности, инертности. Отсюда — нескрываемое презрение, выражаемое в его баснях в отношении «педантов». Нежон солидаризируется с поэтом. Презрение это, на его взгляд, слишком хорошо обосновано. Узость взглядов, если она характеризует тех, кто взял на себя роль наставников молодого поколения, достойна всяческого осуждения. Лафонтен начал с «верного подражания красотам» авторов, принятых им для себя в качестве образцовых, впоследствии же превзошел очень многих на избранном им творческом пути. При этом он не уставал выражать восхищение творчеством Рабле. В немалой степени он оказался обязан также самостоятельному изучению сочинений Вергилия, Горация, Лукреция, Ариосто, Юрфе, Плутарха, Платона, Квинтилиана. Лафонтен, по Нежону, владел «всеми видами стиля», его сочинениям свойственны наблюдательность, эlegantность, чувствительность, тонкость рассуждения. «Заметим еще, что по примеру Лукреция он первым среди своего народа стал писать в стихах о философских предметах, что с необходимостью предполагает ясность ума и знания о вещах, очень часто чуждых поэтам» [3, р. XXI]. Нежон связывал некоторые особенности произведений Лафонтена с дружеским влиянием Бернье, сторонника учения Гассенди. Французского баснописца Нежон ставил выше Эзопа. Лафонтен, по мнению Нежона, не доказывает, но позволяет почувствовать читателю недостойность, смехотворность порока, равно как возвышенность и правоту добродетели. Его сочинения способствуют пониманию того, что благожелательность и справедливость — истинная основа счастья людей и целых государств, а наилучшая награда добродетели «находится в глубине сердца».

Трагедиям Расина, согласно Нежону, присущи изящество и обаяние. Душа этого поэта была «крайне подвижна», чувствительна, ранима. После того как Расин создал свои лучшие произведения, «религия... заглушила в нем страсть к стихам и страсть к славе, наиболее сильную

у людей, которых природа предназначила к свершению великих вещей» [4, р. 12].

Для «Систематической энциклопедии», издававшейся Панкуком, Нежон готовил статьи, будучи редактором раздела по древней и новой философии. В «Предварительном рассуждении» (1791) он рассматривал свой раздел «Систематической энциклопедии» как реализацию плана Ф. Бэкона. Британского автора он именует гением, от внимания которого не укрылась ни одна из отраслей человеческого знания. Согласно Нежону, все благие начинания в истории человечества реализуются довольно медленно, потому не стоит удивляться значительному временному отрезку, отделяющему проект Бэкона от его долгожданного воплощения, пусть еще и не в самом совершенном виде. Абстрактные науки изучать не так-то легко, кроме того, обращение к ним требует «многообразия знаний и талантов»; философ — человек, «вся жизнь которого — только долгое размышление, последовательно применяемое к различным объектам» [5, р. II]. Далее систематический и точный свод знаний по истории философских мнений должен был стать делом многих ученых, а не отдельно взятого знатока. Подлинный философ чуждается ложной эрудиции, «скорее утомляющей тело», чем возвышающей разум. Носитель подобной эрудиции, как правило, «больше занят изучением слов, чем вещей». Он увлечен «коллекцией вариантов общих мест», вместо того, чтобы посвятить свои силы «опытам и наблюдениям». Его больше интересует «восстановление испорченного текста или предполагаемого таковым», чем решение серьезной научной проблемы.

Нежон стремился найти причины существования различных установок в научной сфере; ему представлялось несомненным, что «мозг — это орган, имеющий свои привычки, свои вкусы, свои особые судорожные подергивания» [5, р. II]. Непривычные для мозга действия выполняются им с неохотой, затруднениями, часто без какого-либо успеха. Строение тела оказывает прямое влияние на его работу. Большое значение имеет возраст, с которым связано формирование интеллектуальных способностей.

Античная философия, по Нежону, была еще очень несовершенна. Он настаивает на необходимости ясного понимания специфических особенностей, отличающих ее от философии позднейших эпох. Античность не знала, не выработала строгий философский язык. Ей еще не были известны характерные для новоевропейской философии искусство формулировать четкие определения и точность анализа. Она была погружена в мир образов, метафор, поэтических вымыслов. Утонченная чувственность наложила неизгладимый отпечаток на язык гре-

ков, сам образ их мышления. Красноречие и поэзия придали их языку особую красоту, гармоничность. Они многое открыли, их мысль была страстной, энергичной, стремительной. Но она изобиловала двусмысленностями, неточностями. «Что делает физику и метафизику древних столь неопределенными, столь темными, столь трудными для понимания, так это то, что они не имели, если позволительно так выразиться, языка для своих идей. Изучая их умозрительную и сугубо рациональную философию, замечают, что этого языка, который был им столь необходим, чтобы перевести их мысли терминами, которые точно соответствовали бы тонкости, изяществу их понятий, им очень часто недостает и что он еще не был создан» [5, р. XIV]. Было бы неверно упрекать древних в этом: ведь для своего поступательного движения философия нуждается в «размышлении, опыте и наблюдении», а они накапливаются с веками, не могут быть даны сразу в законченном виде. Разум совершенствуется постепенно, потому зрелая философия не может присутствовать у юного народа. Философский факел надежно освещает путь, когда часть его уже пройдена.

Нежон полагал, что было бы неверно уподоблять античную философскую мысль современной. По его мнению, не следует искать у древних «нашу мудрость и наши открытия, ни приписывать им наши более или менее странные догадки, или, если угодно, наши безумства» [5, р. XV].

Высказывал он и общую оценку средневековой мысли. Нежон считал теологию пустой наукой, а многовековые усилия схоластов бесполезными, их сочинения, на его взгляд, наполнены «софизмами», «ничтожными тонкостями», «нонсенсом». Он полагал, что большинство схоластов отличалось непомерным невежеством. Недостатком их трудов он считал подчиненность «религиозному фанатизму», который господствовал на протяжении многих веков варварства и невежества. Нежон не согласен с теми, кто считал, будто многое в жизни человечества могло измениться к лучшему, если бы представители схоластики направили свои умы в иную от теологии сторону. Казалось бы, схоласты смогли бы доставить людям больше пользы, подчинив свою деятельность другой цели. Но, с точки зрения Нежона, подобные предположения ложны. Ибо те, кто посвятил себя служению науке, заключавшей «смешные и абсурдные вопросы», в иных условиях выбрали бы для себя такие же ничтожные цели: «они только потеряли бы свое время по-другому, но, в конечном счете, мы не были бы сегодня ни более учеными, ни более надежными и верными истолкователями природы» [5, р. III]. Поэтому сожалеть о якобы упущенных в Средние века человечеством возможностях не стоит. Тот, кто предавался размышлениям

о субстанциальных сущностях и категориях, ни в каком отношении не смог бы обогатить мировую науку.

По Нежону, люди с выдающимися способностями к наукам, которых в любую эпоху немного, как правило, следуют своей склонности, добиваясь «почти всего», что они могут сделать. В подтверждение этого тезиса он ссылается на жизнь знаменитых ученых, которые с детского возраста, определяющего в плане формирования характера, демонстрировали настойчивость и интересы, позволяющие предвидеть их будущие успехи. Сведения о жизненном пути гениев Нежон, как он сам поясняет, черпал из «похвальных слов», принадлежащих Фонтенелю, Даламберу, Кондорсе. Согласно Нежону, выдающийся ученый, так или иначе, преодолевает стоящие на его пути препятствия (например, противодействие родителей), реализуя в итоге свой потенциал. Побуждения самой природы всегда сильнее приводящих обстоятельств.

О большинстве историков философии прошлого, прославившихся в ученой среде, редактор «Систематической энциклопедии» высказывал довольно резкие суждения. Эти авторы, на его взгляд, коснулись лишь поверхности изучаемого предмета, они «обладали только частью познаний и необходимых инструментов, чтобы распутать тот хаос» [5, р. IX], который царит в избранной ими для анализа области. Нежон приписывал себе право быть их судьей, ссылаясь на собственное «серьезное изучение древней философии», на свои глубокие знания в сфере тех наук, которые следует учитывать для лучшего понимания учений прошлого. Многочисленные недостатки работ известных историков философии явно свидетельствуют о необходимости новой систематизации, которая как раз и представлена в редактируемом им разделе новой энциклопедии. Так, согласно Нежону, хотя И. Я. Бруккера и можно считать знающим и трудолюбивым, но его произведение («Критическая история философии»), тем не менее, доходит до сути дела в немногих подлинно глубоких вопросах. Поэтому Бруккер — автор поверхностный. Это не случайно, ибо сосредоточившись на задаче создания обширнейшей компиляции, по-настоящему мыслил он мало [5, р. XII]. Поэтому его труд пригоден для получения той или иной справки, но не годится как руководство по истории философии. По Нежону, ошибки различных авторов, обращавшихся к рассмотрению учений древности, важно замечать и понимать, ибо такого рода знание позволит избежать подводных камней науки, приводящих к крушению, неудаче многолетние труды. Он останавливается на концепции Дютена, видевшего у новоевропейских философов только плагиат из древних авторов. Подобный подход Нежон характеризует как «иллюзорный». Ибо Дютен выстраивает свою гипотезу, фактически объясняя древнюю философию

с помощью знаний, присутствующих в сочинениях авторов Нового времени. Таким путем он получает нужный ему результат: обнаруживает все новейшие открытия в системах античных философов. Дютен постоянно смешивает несопоставимое: догадки, случайные гипотезы и доказанные многократными наблюдениями теории. Люди типа Дютена в любую эпоху говорят одно и то же: живи он во времена Платона и Аристотеля, то обвинял бы их в плагиате из Пифагора и других предшествовавших мыслителей.

Среди своих предшественников в области истории философии Нежон особо выделял Дидро, который обладал, на его взгляд, наиболее редкими достоинствами, включавшими «обширные познания во многих науках», «точный и глубокий ум», «вкус, усовершенствованный чтением и сопоставлением великих образцов» [5, р. VI]. Тем не менее даже ему не хватало иной раз терпения, точности в оценке фактов, скрупулезности. Будучи натурой увлекающейся, Дидро был способен наделить какого-нибудь философа древности собственными мыслями, равно и наоборот, включить в орбиту собственных рассуждений ту или иную идею, высказанную в далеком прошлом. Он обращался с философами разных эпох «почти как с друзьями», с которыми существует значительная общность интересов. Сильная сторона в творческой работе Дидро — умение самостоятельно мыслить. Но материал для своих размышлений он зачастую брал из вторых рук, опирался на компилятивные труды таких ученых, как Бруккер. Нередко сама форма его статей повторяла структуру соответствующего раздела историко-философского труда, служившего ему отправным ориентиром. Не следует забывать о том, что Дидро работал в непростых условиях: ему не хватало времени, над ним довлело «нетерпение подписчиков», реализуемый им замысел был беспрецедентным по своей масштабности и сложности. Кроме того, он жил во времена господства «самого абсурдного и самого угнетающего режима».

Нежон заявлял о том, что отнюдь не ставит целью превзойти работу своего бесценного, давно ушедшего из жизни, друга. С преувеличенной скромностью он констатировал, что для него это было бы невозможным. Он провозглашал, что по своим силам считает следующее: внести дополнения, устранить неточности, включить в издание не упоминавшиеся прежде факты. Ссылаясь на Дидро, Нежон говорил о том, что применительно к истории философии «свято сохранил эту часть его работы в Энциклопедии» [5, р. VIII]. Те же статьи «Толкового словаря», которые не принадлежали Дидро, Нежон переделывал с меньшей щепетильностью, нередко переписывая полностью.

По мнению редактора «Систематической энциклопедии», в то время как для Монтеня цитаты служили по большей части только украшением собственной мысли, то при изучении истории философии дело обстоит иначе. Метод Нежона — в следовании «строгой логике», которая, применительно к области исторических фактов, означает поиск истины посредством «рассудительности и прозорливости» при выборе свидетельств, умение посредством их сопоставления и примирения выявлять разные уровни достоверности. Сравнение авторитетных сентенций, известных высказываний о том или ином учении, нередко вступающих в противоречие друг с другом, должно приводить к выводам, заключающим высокую степень вероятности, к формулировкам, содержащим достойную полного доверия оценку.

Подобно многим просветителям, Нежон апеллирует к разуму как высшему арбитру в мировоззренческих спорах, отвергает тезис о необходимости его подчинения религии: «Все авторитеты, священные или мирские, равны и безразличны для хорошего ума; не их источник, количество, древность, но разум придает им отличие, надлежит слушать только его... во всякого рода дискуссии нужно всегда, в конечном счете, возвращаться к фактам и логике» [5, р. XII].

Согласно Нежону, не следует забывать о том, что любой жанр имеет высшую степень совершенства, доступную пониманию далеко не всякого читателя. Так, весьма многие лишены возможности заметить и насладиться глубиной, изяществом, тонкостью отдельных пассажей из Тацита, Расина, Лафонтена. Подобное наблюдение не лишено прямого отношения и к области философского знания.

Далее, аргументация философа, по мысли редактора «Систематической энциклопедии», должна варьироваться в соответствии с существом проблемы и ценностью прежних способов ее решения. «Таков известный и признанный лучшими умами принцип, что необходимо удваивать доказательства, соразмерно тому, насколько опровергаемое считается установленным» [5, р. XIII].

Нежон связывает научный прогресс с политическими установлениями. На его взгляд, философский анализ систем прошлого должен вестись с полной свободой мысли, которая необходима для «прогресса разума» и выступает «самым мягким, самым действенным лекарством против двух бичей, самых разрушительных для человеческого рода: священников и королей» [5, р. XXII]. Таким образом, республиканские, как и атеистические, убеждения историка философии выступают в «Систематической энциклопедии» весьма отчетливо. Он предрекает религии утрату всякого влияния на общественную жизнь. В будущем ею станут интересоваться только немногие любознательные ученые, желающие

уточнить различные детали прошлого человечества. Все разновидности религии имеют общее происхождение, а значит, их ждет общий финал. На них начнут «смотреть чуть раньше, чуть позже, как на вид мифологий». Их будут воспринимать как некоторую часть того множества безумств, которыми полна история. Они останутся объектом внимания немногих эрудитов, описывающих причины преступлений и несчастий, сопровождавших развитие рода человеческого. «Рассматривая с этой исключительно философской точки зрения те различные догмы или догматы веры, совокупность которых называется сегодня *религией*, а завтра — *абсурдной сказкой*, поймут с очевидностью, что не было бы ничего более нелепого, чем принимать христианскую теологию за положительную науку» [5, р. XXIII].

Метод работы историка философии, согласно Нежону, с необходимостью противоположен распространенным предрассудкам, влияние которых уже заметно пошатнулось.

В предисловии к сочинениям Дидро Нежон объявляет подготовленное им издание отвечающим интересам тех умов, которые с живостью обращают свое внимание на прогресс наук и искусств. Дидро же он относит к числу представителей человечества, расширивших для всех пределы познанного. Нежон говорит о своем возмущении тем обстоятельством, что «люди кровожадные и жестокие», такие как заговорщик Бабёф, осмеливаются в защиту своего дела ссылаться на авторитет Дидро, приписывая ему чужой текст («Кодекс природы»).

Между тем, настаивал Нежон, Дидро «никогда не открывал» эту книгу, «не знал даже ее названия». Поэтому несправедливо «одного из людей, мысливших с наибольшей глубиной, рассуждавших с наибольшей точностью, писавших с наибольшим красноречием», превращать в «презренного софиста и равнодушного фразёра» [6, р. VI–VII]. Интересы истины, таким образом, требуют издания тщательно выверенного собрания сочинений Дидро. Неудивительно, что реализацию этой задачи, в знак памяти о друге и выдающемся философе, Нежон берет на себя. Он выражает убеждение в том, что такого рода издание вызовет признательность потомков, благодаря его распространению ненавистники великого человека, равно и клеветники, не смогут избежать заслуженного презрения. Согласно Нежону, по числу достижений в «области искусств, литературы, морали и философии» сочинения Дидро сопоставимы лишь с вольтеровским наследием. Превозносимые многими Руссо и Кондильяк сильно уступают Дидро. Их часто хвалят, полагаясь на чужие слова, преувеличивая значимость их идей. В их трудах немало ошибок, а если извлечь оттуда все встречающиеся истины, это не помогло бы ничем попыткам дополнить или исправить учение

Дидро. С другой стороны, все нападки на философию со стороны невежества и фанатизма осуждены на провал, современных защитников суеверия ждет «вечное забвение».

В «Исторических и философских записках о жизни и трудах Дидро» Нежон говорит о своем учителе как великом человеке, моралисте и философе. Он причисляет Дидро к когорте лучших писателей XVIII в.; дает подробный анализ как опубликованных, так и остававшихся на тот момент в рукописном виде произведений Дидро. Метод работы своего кумира Нежон определял таким образом: «В общем, он читал мало, размышлял много, собирал факты, изобретал гипотезы для их объяснения, медленно формировал свое мнение, и затем оставлял двум судьям, которых нелегко испортить — опыту и исчислению, — определение уровня достоверности и полезности знаний, к которым его привело простое рассуждение» [7, р. 10]. Для Нежона Дидро — личность, полная контрастов: наделенный богатым, «страстным» воображением, он вместе с тем был способен к самому тщательному наблюдению, что позволяло ему вполне успешно, постепенно продвигаться в поисках истины. В его уме, так же как и в самой природе, развитие происходило путем последовательных, незаметных, но и не прерывающихся изменений.

Атеистический материализм Дидро Нежон характеризовал как точный, надежный способ философствования, отличный от распространенного в эпоху появления «Энциклопедии». К основным его принципам он относил: признание «очевидным абсурдом различие двух субстанций в человеке», принятие чувствительности за всеобщее свойство материи, отрицание предсуществующих зародышей и др. Дидро «шаг за шагом приводит своего собеседника к согласию с тем, что вместе с инертной материей, теплотой и движением получают чувствительность, жизнь, память, сознание, страсти, мысль» [7, р. 211]. Тезис о разнородности материи он связывал прежде всего с фактами, известными благодаря открытиям химиков. Представление же об однородности материи делает невозможным понимание природы тяжести и движения. Для Нежона Дидро — создатель «новой философии, более экспериментальной, чем рациональной, в которой метафизические истины с необходимостью являются тем, чем должны быть, в конечном счете — следствием физических истин» [7, р. 219].

Ш. О. де Сент-Бёв в своих размышлениях о жизненном пути Дидро отмечал: «Самое пылкое восхищение, которое ему когда-либо удалось внушить, исходило от Нежона, этого ученика-идолопоклонника» [8, с. 121]. Адольф Франк подчеркивал лидирующую роль Дидро в отношениях с Нежоном: «Дидро был для него не другом, не учителем, а олицетворением мудрости, добродетели и красноречия, высшим пределом

человеческого совершенства». Согласно А. Франку, Нежон доходил до того, что подражал жестам и интонациям своего старшего товарища и даже клялся его именем [9, р. 1169–1170].

Сам Дидро с одобрением упоминал в «Салоне 1767 года» о том, что «Нежон несколько лет учился рисунку в Академии, моделировал у Лемуана, писал у Ванлоо и, словно Сократ, перешел из мастерской художника в школу философии». Дидро описывает беседу с Нежоном, касающуюся творений художников, выставившихся в тот год в Лувре. Впоследствии Нежон утверждал, что беседа эта — не вымышленная, состоявшаяся в действительности. Дидро представляет дело так, что хотел «проверить свои суждения», сопоставив их с мнением друга. Нежон обрушивается на Лагрене («Какое мне дело до его колена, кровати и его мастерства, если он не трогает меня, оставляет холодным как камень»), а затем формулирует обобщение, касающееся увиденного. Он вопрошает, на каком основании должен воздерживаться от критики «людей, враждебных писателям и философам, чье мнение они презирают, хотя должны были бы еще долгие годы учиться у них искусству подражать природе». Он продолжает, развивая свой тезис с опорой на воззрения Дидро: «Сошлюсь на ваши же собственные мысли о живописи. Пусть не остаются мне в живых, если хоть в одной из этих голов имеются хотя бы начатки метафизики их искусства. Почти все они ремесленники, да еще какие!» Подводя итог разговору с другом, довольно экспрессивно выражавшим свои идеи, Дидро замечает: «Чем объясните вы то, что увидевши раз картины Лагрене, не испытываешь желаний увидеть их вновь? Ответив себе на этот вопрос, вы не можете не признать, что, хотя мы с Нежоном проявили некоторую суровость, мы все же были правы» [10, т. 2, с. 48–49, 51]. Таким образом, Дидро подчиняет общим целям своего повествования удачно поданный эпизод, заставляющий читателя задуматься о природе прекрасного. Вместе с тем он с живостью рисует характер Нежона, изображает того знатоком эстетических вопросов. Нежон предстает перед читателем стремительным, порывистым, бескомпромиссным. Он склонен использовать лаконичные фразы, обладает глубиной мысли.

По мнению Адольфа Франка, влиятельного сторонника спиритуалистической традиции XIX в., Нежон «был одним из самых фанатичных инициаторов того узкого и нетерпимого материализма, который поработил некоторых философов прошедшего века» [9, р. 1169]. При этом исследователь, принадлежащий к лагерю противников материализма, отрицал за Нежоном всякую оригинальность, полагая, что тот был «всего лишь издателем, компилятором, переводчиком». Жан Филибер Дамирон, который видел в атеизме «болезнь человеческого ума

в эпоху сомнения и отрицания», не менее категоричен в своей оценке: «Нежон — это бледная и холодная фигура, лишенная оригинальности, как и подлинной силы». Это член Академии, не обладавший истинным величием, равно и славой, но имевший определенную известность. Все же он заслуживает внимания, поскольку, «прежде всего, как человек он стоит намного больше, чем философ» [11, р. 6]. Дамирон находил в Нежоне особый тип стойка-атеиста.

Пьер Навиль подчеркивал, что Дидро, хорошо представляя уровень эрудиции своего друга, нередко обращался к нему за справкой при подготовке энциклопедических статей. Вместе с тем Навиль отмечал определенную ограниченность интересов Нежона: «Сам он имел довольно узкое классическое образование, и его энтузиазм по отношению к делу разума и атеизма как бы замкнут на традиции Эпикура, Лукреция и Сенеки. Естественные науки его совсем не привлекали, как и геометрия. Он не производит также впечатления заинтересованного политической экономией, историей, за исключением истории античной философии, которую он знал хорошо» [12, р. 103]. В то же время Навиль, в отличие от Франка, считал философские статьи Нежона «в любом случае» более содержательными и познавательными, чем произведения представителей спиритуализма, популярные в XIX в. Сильвен Ору видит ценность наследия ученика Дидро в том, что в противоположность распространенному в его эпоху принципу, просто следующему готовой понятийной схеме, «работа Нежона — первая новая европейская философская энциклопедия, принимающая систематическую и рациональную точку зрения на учения. Она в то же время открыта для незападных традиций» [13, р. 1365].

Несомненно, что Нежон воспринимал себя в качестве хранителя лучших достижений века Просвещения. Отсюда главное направление его деятельности, в рамках которого доминирующая роль отведена вопросам эрудиции. Собственной основной задачей в науке он считал дополнение, исправление, систематизацию, некоторое развитие того философского знания, которое получено благодаря открытиям энциклопедистов. Примечательно, что немалое число философов-материалистов XX в. понимало свою задачу аналогичным образом, конечно же, принимая за образец учение, которое не могло еще быть известно Нежону.

Как выразитель просветительской идеологии, Нежон принимал теорию прогресса, связывал политику с общими проблемами познания. Значительное внимание он уделял критике предрассудков и фанатизма, придавая человеческому разуму значение высшего судьи в дискусионных мировоззренческих вопросах. Он считал Дидро самым глубоким

мыслителем своей эпохи, но находил его недостаточно точным в области истории философии. Поэтому свои главные творческие усилия Нежон направляет именно в эту сферу. Мы видим здесь своеобразное понимание долга по отношению к памяти о друге. Методология Нежона как историка философии предполагает тщательное сличение свидетельств о древних мыслителях, их аналитическое сопоставление, наконец, выявление наиболее достоверных интерпретаций. Ему, таким образом, ближе всего стиль работы кабинетного ученого. Но свои труды он рассматривал как имеющие значение для широкой публики. Призывая внимательно отнестись к выдающимся идеям древних авторов, философов Нового времени он ставил выше в методологическом плане. Обращаясь к истории классической литературы, он акцентировал внимание на ее философских смыслах, на ее моральном значении. В его сознании она находила особое место в общей картине прогрессивного движения человечества. Подобно многим философам XVIII в., он рассматривал себя в качестве наследника идей Бэкона. Значима для него тема особого философского языка, отсутствие которого, на взгляд Нежона, препятствовало быстрой развитию науки.

Революция, с точки зрения Нежона, принесла свободу мысли, невозможную в предшествующие времена. Крушение монархии он воспринимает как важный этап на пути прогресса. Характерно, что популярные в философских кругах времен революции имена Руссо и Кондильяка для Нежона не обладали такой притягательной силой, как имя Дидро. Отсюда — своеобразный ракурс рассмотрения будущего, присущий Нежону. Например, именно влиянием Дидро следует объяснить его неприятие идеи гражданской религии.

Литература

1. Кузнецов, В. Н. (1967), Нежон, в: *Философская энциклопедия*. Т. 4, М.: Советская энциклопедия, с. 15–16.
2. Holbach, P. H. B., Naigeon, J. A. (2008), *Le militaire philosophe ou Difficultés sur la religion proposées au père Malebranche*, Tanger: Coda.
3. Naigeon, J. A. *Notice sur la vie de La Fontaine, avec quelques observations sur ses fables*, Paris: s. d.
4. Naigeon, J. A. (1842), Notice sur la vie et les ouvrages de Racine, in: Racine, J. *Oeuvres*, vol. 1, Paris: Fortin, Masson et C., pp. 5–16.
5. Naigeon, J. A. (1791), *Philosophie ancienne et moderne*, vol. 1, Paris: Panckoucke.
6. Naigeon, J. A. (1800), Préface de l'éditeur, in: Diderot, D. *Oeuvres*, vol. 1, Paris: Deterville, pp. V–XXXIV.
7. Naigeon, J. A. (1821), *Mémoires historiques et philosophiques sur la vie et les ouvrages de D. Diderot*, Paris: Brière.
8. Сент-Бёв, Ш. (1970), Дидро, в: Сент-Бёв, Ш., *Литературные портреты*. Критические очерки, М.: Художественная литература, с. 109–133.

9. Franck, A. (1875), Naigeon. *Dictionnaire des sciences philosophiques. Sous la dir. de Ad. Franck*, Paris: Hachette, pp. 1169–1171.
10. Дидро, Д. (1989), *Салоны*, пер. с фр. Т. 1–2, М.: Искусство.
11. Damiron, J.-Ph. (1969), *Mémoires sur Naigeon*, Genève: Slatkine.
12. Naville, P. (1967), *D'Holbach et la philosophie scientifique au XVIII siècle*, Paris: Gallimard.
13. Auroux, S. (1992), Naigeon. *Encyclopédie philosophoquie universelle. Sous la dir. d'André Jacob*, vol. III. *Les oeuvres philosophiques*, vol. 1, Paris: PUF, p. 1365.

Статья поступила в редакцию 7 сентября 2021 г.;
рекомендована к печати 20 сентября 2021 г.

Контактная информация:

Кротов Артем Александрович — д-р филос. наук, проф.; krotov@philos.msu.ru

Philosopher-erudite in the epoch of the French Revolution: Jacques Andre Naigeon

A. A. Krotov

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Krotov A. A. Philosopher-erudite in the epoch of the French Revolution: Jacques Andre Naigeon. *Philosophy of the History of Philosophy*, 2021, vol. 2, pp. 150–164. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2021.110> (In Russian)

The article analyzes the doctrine of a friend and follower of Diderot, who sought to supplement and clarify the philosophical provisions of the famous editor of the “*Encyclopedia*”. Naigeon was also the publisher of the works of Montaigne, Rousseau, Diderot, he was the author of discussions about Lafontaine and Racine, focusing the reader on the moral content of the works of classics of French literature. The philosopher-erudite saw the meaning of his activity in enlightening contemporaries, in protecting the truth from attacks of adherents of fanaticism and superstition. He considered Diderot’s atheistic materialism as the philosophical peak of his epoch, regarding the doctrines of Rousseau and Condillac popular among his contemporaries as noticeably inferior in depth to the concept of a native of Langres. Hence the originality of his ideas about the future, excluding the deistic idea of civil religion, which found many supporters during the French Revolution. His works are marked by republican and anti-clerical beliefs. At the same time, he opposed the parallels between the doctrine of Diderot and the conspiracy of Babeuf. Seeing the connection between politics and the growth of scientific knowledge, Naigeon considered systematic, classifier cabinet work as an important condition for progress. However, he urged the National Assembly not to mention religion when discussing human rights. Among the principles of a truly thorough historical and philosophical study, Naigeon included the ability to identify the originality of different opinions of the past, without admiring modern ideas to them, refusing to follow slavish various authorities, principle of obtaining the conclusions of highest degree of reliability by comparing all available approaches. Of particular interest are Naigeon’s judgments

about errors of historians of philosophy, about typical shortcomings inherent in even their famous and influential works.

Keywords: Naigeon, philosophy of Enlightenment, French philosophy, materialism of the epoch of the French Revolution.

References

1. Kuznetsov V.N. (1967), Naigeon, *Philosophical Encyclopedia*. Vol. 4, Moscow: Sovetskaya encyclopedia Publ., pp. 15–16. (In Russian)
2. Holbach P.H., Naigeon, J. A. (2008), *Le militaire philosophe ou Difficultés sur la religion proposées au père Malebranche*, Tanger: Coda.
3. Naigeon J. A. *Notice sur la vie de La Fontaine, avec quelques observations sur ses fables*, Paris: s. d.
4. Naigeon, J. A. (1842), Notice sur la vie et les ouvrages de Racine, in: Racine, J. *Oeuvres*, vol. 1, Paris: Fortin, Masson et C., pp. 5–16.
5. Naigeon, J. A. (1791), *Philosophie ancienne et moderne*, vol. 1, Paris: Panckoucke.
6. Naigeon, J. A. (1800), Préface de l'éditeur, in: Diderot, D. *Oeuvres*. vol. 1, Paris: Deterville, pp. V–XXXIV.
7. Naigeon, J. A. (1821), *Mémoires historiques et philosophiques sur la vie et les ouvrages de D. Diderot*, Paris: Brière.
8. Sainte-Beuve, Ch. A. (1970), *Diderot, Literary portraits, Critical Essays*, Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., pp. 109–133. (In Russian)
9. Franck, A. (1875), Naigeon, in: *Dictionnaire des sciences philosophiques, Sous la dir. de Ad. Franck*, Paris: Hachette, pp. 1169–1171.
10. Diderot, D. *Salons, vol. 1–2*, Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russian)
11. Damiron, J.-Ph. (1969), *Mémoires sur Naigeon*, Genève: Slatkine.
12. Naville, P. (1967), *D'Holbach et la philosophie scientifique au XVIII siècle*, Paris: Gallimard.
13. Auroux, S. (1992), Naigeon, in: *Encyclopédie philosophique universelle, Sous la dir. d'André Jacob, vol. III. Les oeuvres philosophiques. vol. 1*, Paris: PUF, p. 1365.

Received: September 7, 2021

Accepted: September 20, 2021

Author's information:

Artem A. Krotov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; krotov@philos.msu.ru